

О, ЭТОТ ВОЗДУХ, СМУТОЙ ПЬЯНЫЙ, НА ЧЕРНОЙ ПЛОЩАДИ КРЕМЛЯ...

НИКАКАЯ СИЛА НЕ МОГЛА ОТОРВАТЬ КАТЮ ОТ ПОУЧИТЕЛЬНЫХ СТРАНИЦ РУССКОЙ ИСТОРИИ

Незадолго до нового, 1747 года бесконечная вереница спектаклей и маскарадов была прервана внезапным распоряжением Елизаветы Петровны о поездке на молебны в тихвинский Богородично-Успенский монастырь, где хранилась чудотворная икона Божией Матери. Свита стала готовиться к ближнему паломничеству, причем выезд назначили на утро, и у дворца уже нетерпеливо переминались запряженные тройками холеные кони.

КРАСАВИЦ ЛЕГКИЙ РОЙ МЕЛЬКНЕТ ПЕРЕД ТОБОЙ...

Путешествие, однако, не заладилось. Когда вельможи подошли к саням, какой-то порученец объявил, что вояж отложен до обеда. Но и после сытной трапезы никто не тронулся в дорогу. Прошелестел слух: богомолье перенесено на другие сроки — обер-егермейстер Алексей Разумовский захворал подагрой (болями в суставах), а нежная и любящая монархиня не желала ехать одна. Сановники облегченно вздохнули: трястись в повозках по зимнему морозу им не хотелось, и капризные сибариты предпочли такой перспективе свои уютные, натопленные покои.

В те же недели камергер Фике князь Александр Голицын решил сочетаться браком с ее фрейлиной Анастасией Гагариной. Правда, сама невеста — месяц выдался каким-то недужным! — подхватила тяжелую горячку. И не успел влюбленный аристократ получить свадебное дозволение императрицы, как Настю пришлось причащать. Спустя два дня бедняжка скончалась. Екатерина долго оплакивала свою верную и старательную помощницу («очень милую и симпатичную»). Елизавета Петровна тоже скорбела о юной мученице и, назначив Фике иную фрейлину — старшую сестру Насти княжну Анну, — соблюдала наблюдать за выносом усопшей из дворцовых апартаментов на Александровское кладбище. Ну а безудержный князь вскоре утешился: он предложил руку и сердце младшей сестре Анастасии — очаровательной Дашеньке, которая охотно, без капризов пошла под венец с бравым, статным удалцом.

КАЧАЮТ ШАТКИЙ МИР СМУТЯНЫ...

У Фике опять появилось достаточно времени для досуга и раздумий. А печальные смерти и веселые марьяжи только разжигали страсть к экскурсам в давнее и недавнее прошлое. Оно, это прошлое, словно магнит манило пытливого ума и растрепанную душу великой княгини.

«Впереди идут — в барабаны бьют...»
Игры потешных войск Петра I
(художник Алексей Кившенко, 1880 год).

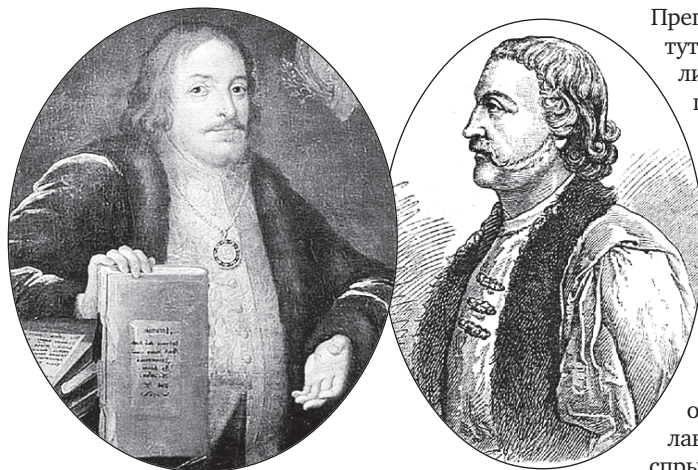
...Летом 1689 года тлевшая вражда конкурентных и одновременно родственных партий — Милославских и Нарышкиных — вступила в фазу острого и непримиримого противоборства. Но как ни удивительно, с обеих сторон размахивали саблями убежденные западники — поклонники утонченной европейской культуры и продвинутых европейских технологий. Хотя и не обошлось без колоритных оттенков. Например, «галант» царевны Софьи высокообразованный князь Василий Голицын (старшая родня екатерининского камергера), которого горделивая импульсивная регентша любила до самозабвения, до утраты «смысла», мечтал отменить крепостное право, наделив освобождаемых мужиков изрядными кусками земли. В окружении Петра крестьянский вопрос воспринимали, увы, совсем иначе.

Оба клана различались и социокультурной ориентацией. Петр Алексеевич со товарищи тяготел к протестантским странам — Голландии, Германии, Англии, а Василия Васильевича и, естественно, боготворившую его Софью влекло к древнему католическому миру — их идеалом стали «король-солнце» Людовик XIV и его пышный версальский двор. Но и здесь и там в глазах сверкала динамичная Европа. И здесь и там норвали уйти от кондовых московских обычаев. Стратегически совпадая по многим направлениям, семейные лагери расходились по целевой тактике: они жаждали самовластия, они алкали трона. А трон, как ведомо всем и каждому, один-единственек, и двоим на нем не усидеть.

Россия буквально замерла: ее ждали либо второе издание родимой Смуты, либо отечественный вариант британской Войны Алой и Белой розы. Сиречь клокочущий котел кровавой гражданской усобицы. Для спасения страны требовалась чья-то молниеносно-оглушительная победа. Таковы были нехитрые последствия двух свадебных пиров Тишайшего царя Алексея Михайловича...

Настороженная Софья, опасаясь удара петровских «озорников» (или, как она выражалась, «потешных коней»), размести-

ла в Москве усиленные стрелецкие караулы, которыми верховодил задиристый думный дьяк Федор Шакловитый. Регентша намечала ловкий ход: устроить так, чтобы стрельцы подали совместное челобитье, призывавшее ее осенить себя монаршим венцом и, отстранив повзрослевших братьев, воссесть на отцовский престол. Сия славная задумка предваряла изощрен-

«Ступай себе направо, а я пойду налево...»
Двоюродные братья князья-бояре Голицыны:
Василий Васильевич (1643 — 1714) — «галант»
царевны Софьи и опора Милославских; Борис
Алексеевич (1654 — 1714) — сподвижник Петра I
и друг Нарышкиных.

ные методики позднейшей партийно-тоталитарной эпохи — все эти бесчисленные «просьбы трудящихся». Петр же, а особенно августейшая вдова Наталья Кирилловна, живя в селе Преображенском, пребывали как бы в «ответном» волнении и тревожились по поводу возможных атак мобильных Софьиных отрядов. Кому-то надлежало спустить курок. И его спустили в ночь с 7 на 8 августа.

В неурочный час к Кремлю начали стекаться вооруженные до зубов стрельцы. Никто, собственно, не знал, зачем их «сликнули» в государственные хоромы. Одни твердили, будто придется охранять царевну на пешем хождении в Донской монастырь, где неумная благодетельница частенько молилась долгими темными ночами. Вторые полагали, что нужно отразить «потешных», наступающих из Преображенского. Третьи, осведомленные о планах крутого воеводы Шакловитого, шептались, что подготовлен упреждающий поход на сонных нарышкинцев. Не всем, впрочем, это было по душе. Кое-кого из служилых коробыла сама мысль о передаче державной власти женщине, а хворый старший царь Иван не вызывал ни надежды, ни сочувствия. Зато младший повелитель, крепыш Петр, чья беременная на четвертом месяце жена могла вот-вот родить здорового сына-престолонаследника, привлекал к себе все большее внимание армейских и придворных элит.

ПУСТЬ РУШАТСЯ БЫЛЫЕ СВОДЫ...

Стрелецкий — Стремянного полка — офицер («пятисотный») Иларион Елизарьев, тайком сговорившись с несколькими бойцами, отправился на Лубянку, где знакомый священник отворил им церковь

Преподобного Феодосия. И тут, перед святым Евангелием, целуя Животворящий Крест, они поклялись уберечь истинного царя от всех угроз и напастей. Вслед за тем два гонца помчались в Преображенское — известить Петра о кознях врагов. Монарх сладко спал — его разбудили, прокричав в ухо о злокозньстве Милославских. Напуганный, он спрыгнул с кровати и босиком, в одной тонкой сорочке бросился в конюшню, оседлал скакуна и укрылся в соседней роще, куда постельничий Гаврила Головкин — будущий граф и канцлер — принес ему верхнее платье.

Одевшись, беглец устремился в Троице-Сергиеву обитель — под защиту ее мощных стен и могучих башен.

Сойдя со взмыленной лошади, царь — после 60 верст непрерывного пути — выглядел едва живым от усталости и напряжения. И хотя страхи оказались ложными (Софья всего лишь вознамерилась в энный раз помолиться под сводами Донского монастыря), Петр, по словам знаменитого пред-революционного историка Сергея Платонова, страдал с той поры от постоянной нервной встряски. У него дергались щеки, по-

«Собирались стрельчики во единый круг...»
Московские стрельцы
(художник Сергей Иванов, 1907 год).

качивалась голова, сбивалась походка: очевидцы вздыхали, что государь «голову заперометывал и ногою запинался».

Вспыхнувший конфликт поляризовал и силы, и настроения. В Троицкий монастырь приехали мать Петра царица Наталья, его «непраздная» супруга Евдокия, родственники и недовольные Милославскими бояре. Подошли «потешные», стрелецкий полк под рукой стольника Алексея Сухарева, регулярные солдатские батальоны и дворянские ополченцы. Скрытно, лесами подвезли пушки, мортиры и ядра. Командовал парадом не растерявшийся в суматохе Петр, а железный оруженосец — князь Борис Алексеевич Голицын, двоюродный брат Софьиного «мила сердечного друга Васеньки». Доблестные кузены давно уже стояли в разных придворных окопах...